

УДК 82.09

DOI: 10.26456/vtfilol/2020.3.269

ТРАДИЦИИ ЖАНРА ЭПОПЕИ В «СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ СТРАДЕ» С. Н. СЕРГЕЕВА-ЦЕНСКОГО

Е. Е. Воронцова

Тверской государственный университет
*кафедра филологических основ издательского дела
и литературного творчества*

В статье рассматривается вопрос о традициях жанра эпопеи в произведении С. Н. Сергеева-Ценского «Севастопольская страда». Внимание уделяется таким признакам эпопеи, как общенациональный масштаб описываемых исторических событий, большое количество действующих лиц, особые принципы работы писателя с источниками и документами, мастерство батальной живописи. Выявляется традиция романа-эпопеи Л. Толстого «Война и мир» и исторической эпопеи «Повесть об осаде Троице-Сергиева монастыря», говорится о ее восприятии С. Н. Сергеевым-Ценским.

Ключевые слова: жанр, роман-эпопея, историческая эпопея, традиции, Л. Н. Толстой, С. Н. Сергеев-Ценский.

Изучение литературы сквозь призму истории и теории жанра – одно из перспективных направлений литературоведения (см., например: [1]). Жанр можно изучать на примере творчества конкретного писателя, а возможно рассмотреть историю жанра на протяжении целой эпохи. Уместно сопоставление жанров и жанровых систем различных литератур, включая и те случаи, когда речь идет о различных культурах, традиционно относимых к менталитету Запада и Востока. Возможно также выявление жанровых параллелей внутри различных способов словесного творчества: мифологии и литературы, фольклора и литературы (см., например: [2]). Работая в данном направлении, мы имеем широкие возможности для изучения истории конкретного жанра в литературе, для использования понятия жанра как инструмента для изучения творческого наследия конкретного писателя. В данной статье творчество С. Н. Сергеева-Ценского рассматривается в аспекте жанрового своеобразия эпопеи «Севастопольская страда». Это произведение является центральным звеном, связующим все творчество писателя в единое целое.

С. Н. Сергеев-Ценский жил и творил в эпоху исторических перемен, которые происходили как в целом в стране, так и в отдельных сферах жизни, в частности, в русской литературе. В 1920–1930-е гг. в русской литературе происходили глобальные преобразования классических жанров, сформировавшихся XIX веке. О кризисе «позитивного русского романа» в середине 1890-х гг. первым заговорил Д. С. Мережковский. Н. А. Поддячая указывает на углубившийся кризис романа в начале XX века, отмечая на этом фоне бурное развитие «малой прозы», а также активизацию жанровых процессов, усложнение фабулы и популяризацию жанра повести. Смысл явления заключался в том, что, с одной стороны, происходила «романизация» малой прозы, с другой – повесть воспринималась как часть романа или его глава, отдельно от него опубликованная [11]. Основной темой художественных произведений 1920–1930-х годов было героико-историческое прошлое страны.

Как отмечает Е. Д. Гордина, историческое направление в литературе пользовалось популярностью благодаря активной поддержке государства и стало одним из наиболее любимых у читательской аудитории. В это время лауреатами премий по литературе много лет подряд становятся авторы историко-патриотических романов: 1941 год – А. С. Новиков-Прибой, А. Н. Толстой, С. Н. Сергеев-Ценский; 1942 – С. П. Бородин, В. Г. Ян, А. А. Антоновская; 1943 – В. В. Вересаев; 1946 – А. Н. Степанов, В. Я. Шишков; 1948 – В. И. Костылев [4].

Сергеев-Ценский, как и многие его коллеги по перу, активно занимался поиском новых художественных форм. Он соединял рассказы и повести в роман, а роман трансформировал в более крупную эпическую форму. Так создавалась с 1914 по 1958 год грандиозная эпопея «Преображение России», в которую вошли двенадцать романов, три повести и два этюда. Эпопея была посвящена событиям Первой мировой войны и Февральской революции 1917 года.

Из академического определения эпопеи: «...крупнейшая форма эпических произведений национально-исторической проблематики. <...> Для эпопеи характерны героический пафос, монументальная выпуклость и яркость повествования с большим количеством сравнений и гипербол. <...> Новой разновидностью эпопеи – романом-эпопеей – принято называть «Войну и мир» Л. Н. Толстого (1863–69). В ней равное значение имеют и раскрытие характеров многочисленных героев, и изображение грандиозных национально-исторических событий 1805 и 1812 гг. Образуется единство философско-психологического романа (“романа воспитания”) и эпической исторической хроники. Жанр романа-эпопеи получил широкое распространение в русской литературе 20 в...» [16].

Б. М. Эйхенбаум считал, что Толстой принципиально не разделял исторический и неисторический сюжет и на этой основе, в сущности,

была построена идеологическая концепция «Войны и мира». Эта основа выделяла роман на фоне обычных исторических произведений. Композиция романа-эпопеи «Война и мир» построена как система концентрических кругов, которая охватывает всю область человеческой жизни – от личных и семейных проблем до исторических и народных. Эти масштабные проблемы личности и истории, народа и государства были поставлены теоретически и не нашли своего решения в произведении [15, с. 111]. Думается, надо учитывать, что художник Толстой решал эти проблемы не теоретически, а художественно, на основе собственной, художественной философии истории, опираясь на свою этическую концепцию. Сергеев-Ценский был преемником Толстого – и с точки зрения принципов работы над историческим материалом и документальными источниками, и с точки зрения исканий в области жанра, стиля, характеристики.

Сергеев-Ценский так определял жанр эпопеи и роль писателя, работающего в этом жанре: «Эпопея – произведение эпическое, поэтому, выступая в ней местами как лирик, художник слова должен перевоплощаться в людей другой эпохи, то есть становиться писателем-историком» [14, с. 254]. В сборнике «Трудитесь много и радостно», вышедшего ранее, определение эпопеи более полно: «В романе достаточно иногда бывает вывести только одно семейство, в эпопее необходимо дать жизнь всего народа. Но ведь если жизнь отдельного человека измеряется десятилетиями <...>, то жизнь народа – веками, иногда тысячелетиями. Изображая крупнейший исторический сдвиг в его жизни, подобный геополитическому, автор эпопеи не может не оглядываться при этом на другие, хотя и значительно меньшие, события в жизни народа» [13, с. 291–292].

Жанр масштабного батального полотна о Крымской войне (1853–1856) писателем воспринимался именно как эпопея. Работа над «Севастопольской страдой» послужила прологом к огромной исторической эпопее «Преображение России». Сергеев-Ценский писал: «...так, мне, автору эпопеи “Преображения России”, перед тем как начать рисовать огромное полотно Первой мировой войны, пришлось задуматься над событиями аналогичными, над войною в пределах Крыма, который живописал я в первых двух романах эпопеи, войною, так и названной Крымской. <...> И вот, когда я писал третий (не по порядку) роман эпопеи – “Зауряд-полк”, действие которого происходит в Севастополе в первый год мировой войны, у меня зародилась мысль написать в виде подступа к эпопее “Преображение России” эпопею, названною впоследствии “Севастопольская страда”» [Там же, с. 254–255]. Писатель долго размышлял над судьбой страны, прежде чем начать работу, и, только написав роман «Массы, машины, стихии», сравнив общую политическую ситуа-

цию в романе с ситуацией, в которой разворачивалось бы действие эпопеи и найдя их схожими («Западные державы нападали на Россию» [14, с. 257]), сел за работу.

Национальное предание, которое положено в основу этого произведения, связано у Сергеева-Ценского прежде всего с воспоминаниями отца, участника Крымской войны. Позднее в круг его чтения вошло «Описание обороны Севастополя» Тотлебена и другие книги домашней библиотеки, а также печатные мемуары участников войны, изданные в большом количестве 1870-е годы [13, с. 255]. Восприняв традицию устного предания о Крымской войне, писатель дополнил ее историческим материалом, поэтому с первых страниц эпопеи читатель погружается в атмосферу подготовки к обороне Севастополя.

Эпопея начинается главой «Бал» (что вызывает ассоциации с зачином «Войны и мира»). Бал проходит в состоянии тревоги и ожидания жителями Севастополя нападения на город союзных войск западных держав, читателя знакомят со знаковыми героями эпопеи. Подходы к изображению эпохи Николая I в творчестве Сергеева-Ценского осуществлялись и ранее. В 1925 году он пишет пьесу «Поэт и чернь» о дуэли Лермонтова с Мартыновым в Пятигорске, далее драму «Поэт и поэт», посвященную Лермонтову на фоне смерти Пушкина, затем пьесы о Пушкине «Милый омут» и «Приданое», изданные в двух частях, роман «Невеста Пушкина»; была написана пьеса «Гоголь уходит в ночь» о смерти Гоголя. Образ Николая I в этих произведениях не был подробно прописан, но эпоху писатель отразил отчетливо.

В «Севастопольской страде» Сергеев-Ценский не мог обойтись без изображения личности Николая I. Он изучил написанное о Николае I и его противниках – Наполеоне III, британской королеве Виктории, лорде Пальмерстоне и др. Писатель познакомился с общественно-экономическим состоянием Турции и стран Западной Европы: «...сопоставление общественной жизни во Франции, Англии и России. Так расширялась тема Крымской войны, и с каждым днем всё больше и больше людей возникало предо мною и просилось на страницы эпопеи» [14, с. 257–258].

Государи и полководцы изображены у Сергеева-Ценского как воплощение воинственности, как носители самой идеи войны, и в этом сказывается влияние толстовской традиции. В эпопее Николаю I посвящена первая глава второй части «Самодержец». Характеристика императора построена на батальных деталях и подробностях: «Великолепный фронтовик, огромного, выше чем двухметрового, роста, длинноногий и длиннорукий, с весьма объемистой грудною клеткой, с крупным волевым подбородком, римским носом и большими навывкате глазами, казавшимися то голубыми, то стальными, то оловянными, император Николай I перенял от своего отца маниакальную любовь к военному строю, к ярким раззо-

лоченным мундирам, к белым пышным султанам на сверкающих, начищенных толченым кирпичом, медных киверах; к сложным экзерцициям на Марсовом поле; к торжественным, как оперные постановки, смотрам и парадам; к многодневным маневрам, хотя и совершенно бесцельным и очень утомительным для солдата, но радовавшим его сердце картинной стройностью бравой пехоты, вымуштрованной кавалерии и уверенной в себе артиллерии – тяжелой, легкой, пешей и конной...» [12, с. 205]. Дополняет характеристику упоминание о событии 14 декабря 1825 года. Это восстание декабристов, свидетелем которого он стал. Именно это событие, по мнению Сергеева-Ценского, глубоко повлияло на внутренний мир Николая I, что выразилось в его резкой прямолинейности, а борьба с революцией, в какой бы форме и в какой бы стране она ни проявлялась, стала его навязчивой мыслью [Там же, с. 207].

Знакомство с Луи-Наполеоном происходит во второй главе второй части «Другой самодержец» [Там же, с. 233]. Сергеев-Ценский изобразил императора Франции через восприятие Николая I : «...новый император был изображен в военном мундире с эполетами, с одинокой звездой на левой стороне груди и с лентой через плечо... Его открытый, широкий, лысеющий лоб, его тяжелый взгляд человека, верящего в себя и не верящего никому, кроме себя, его горбатый орлиный нос, закрученные в две острые шпаги усы и узкая, длинная эспаньолка, уже узаконенная во французской армии (высший признак самодержавности монарха!)» [Там же, с. 257].

Даже королева Великобритании Елизавета описана в военной стилистике и воспринимается как олицетворение самой идеи войны: «... королева Виктория была или хотела быть самой воинственной дамой во всей тогдашней Европе. Когда отправлялись эскадры в Черное и Балтийское моря, она сама выезжала их провожать на своей королевской яхте. Матросы, взбравшись на реи, кричали ей “ура”, орудия на судах салютовали ей двадцатью одним выстрелом, и в грохоте выстрелов, и в криках, и в пороховом дыму на палубе своей яхты она воинственно махала платком отплывающим офицерам и матросам...» [Там же, с. 190].

Продолжая традиции, заложенные Л. Н. Толстым, Сергеев-Ценский вводит большое количество персонажей: «Кстати, во всей моей огромной эпопее почти совсем нет так называемых частных лиц, – все исторические, то есть попадавшие мне в мемуарах о том времени. Моя задача художника слова состояла в том, чтобы их имени сделать образ» [14, с. 262].

Сергеев-Ценский развивал вслед за Л. Н. Толстым поэтику батальных сцен и эпизодов. Он описывает двенадцать больших сражений и четыре генеральные бомбардировки Севастополя, «сохраняя и оттеняя при этом индивидуальные особенности, краски, детали каждого из

этих крупных военных действий, создавая повествование исторически точным, запоминающемся» [6, с. 6]. В продолжение толстовской традиции вводится и необозримое пространство России. Основное действие разворачивается в осажденном Севастополе, но повествование выходит за пределы Крыма на Кубань, в курскую деревню, в Петербург, Москву, Париж, Лондон.

Еще одна традиция Толстого – в определении главного героя обороны Севастополя, русского народа. Этот обобщенный образ распадается на множество персонажей, выписанных ярко и впечатляюще, индивидуализированно. Это первая сестра милосердия Даша Севастопольская, матрос Кошка, крепостной крестьянин Чернобровкин и мн. др. В. Козлов пишет, что каждый из них – это «олицетворение народа-бойца, народа-труженика и воина, который отстаивал свою жизнь и право на жизнь на необъятных просторах своей Родины. В этой суровой борьбе проявились лучшие черты русского народа – мужество и храбрость, находчивость и бесстрашие» [5, с. 10–11].

Любимейшие исторические личности для автора эпопеи – вице-адмиралы В. А. Корнилов и П. С. Нахимов. Вот их появление на страницах произведения: «Но вот вошли вместе два Аякса флота – вице-адмиралы Корнилов и Нахимов, оба равного роста, высокие, узкоплечие, несколько сутулые, – мозг и сердце флота; Корнилов – в золотых аксельбантах генерал-адъютанта, отстающих при движении от его впалой груди, с Георгием в петлице и с Владимиром на шее. Нахимов – герой Синопа – с двумя Георгиями; оба русоволосые и светлоглазые; старший летами – Нахимов – старший из флагманов флота; Корнилов же – начальник штаба флота...» [12, с. 15]. Каждый из этих прославленных адмиралов сыграл важную роль в Первой обороне Севастополя, которая продлилась 349 дней.

Таким образом, сам С. Н. Сергеев-Ценский определил жанр своей «Севастопольской страды» как эпопею и действительно продолжил традиции, заложенные Л. Н. Толстым. Крымская война было эпохальным событием, которое изменило жизнь царской России, о чём свидетельствуют реформы, проведенные Александром II в 1860-х годах. Поэтому, с одной стороны, оборона Севастополя – это кульминационный момент в Восточной войне, и она описана как героическое, грандиозное и одновременно общее деяние народа, вставшего на защиту не только города, но Отечества, и в этом проявляется эпическое начало в произведении. Другая сторона этого произведения в том, что писатель через призму Первой обороны Севастополя смотрит в будущее, предвидя грядущие события русской истории, пытаясь нащупать и отразить ее закономерности.

Говоря о традициях жанра эпопеи в произведении Сергеева-Ценского, не следует забывать и о той древнерусской литературной традиции,

на которую опирался автор «Севастопольской страды», ведь даже заглавие произведения указывает нам на древнерусский контекст как один из возможных культурных контекстов, в котором следует воспринимать данную книгу [3]. Согласно работам С. Ю. Николаевой [7; 8; 9; 10], рассмотрение литературных произведений нового и новейшего времени в древнерусском литературном и культурном контексте позволяет глубже раскрывать авторскую концепцию, авторскую позицию. Обращаясь к «общенациональной топике», писатели по-новому «объясняют факты и явления современной действительности, осмысливают эти факты в широком контексте исторического бытия нации» [7, с. 250]. По мнению исследователя, «авторы произведений, опирающиеся на богатый духовный и эстетический опыт» древнерусской литературы, «решают проблемы русского национального характера», осмысливают их «с онтологической точки зрения, с учетом христианской (православной) системы ценностей и законов бытия, имеющей тысячелетнюю историю на Руси» [9, с. 41]. В связи с этим хотелось бы указать на знаменательную параллель между «Севастопольской страдой» Сергеева-Ценского и целым рядом эпических произведений древней Руси. В частности, напрашивается сопоставление со знаменитой «Повестью об осаде Троице-Сергиева монастыря» Авраамия Палицына, которое представляется важной перспективой данной работы.

Изучаемое произведение С.Н. Сергеева-Ценского незаслуженно предано забвению в наши дни, как, впрочем, и сам автор, и его творчество. Однако в конце 1930-х – начале 1940-х годов эпопея «Севастопольская страда» была поистине народным произведением. Об этом свидетельствуют документы (письма и отзывы читателей), хранящиеся в Российском государственном архиве литературы и искусства (фонд 1161 С.Н. Сергеева-Ценского). Тем важнее раскрыть сущность этого произведения как романа-эпопеи и вписать его в русский литературный контекст именно в этом качестве.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Эпос и роман (О методологии исследования романа) // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 447–483.
2. Беглов В. А. Эпопея в русской литературе XIX–XX вв.: становление и трансформации: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.01.01 / В. А. Беглов; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2006. 45 с.
3. Воронцова Е.Е. Художественный потенциал заглавия эпопеи С.Н. Сергеева-Ценского «Севастопольская страда» // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2019. № 3. С. 119–124.
4. Гордина Е.Д. Роль исторического романа советских писателей в утверждении в массовом сознании официальной концепции отечественной истории в 1930-е – первой половине 1940-х годов: автореф. дис. ... докт. ист. наук:

- 07.00.02 / Е. Д. Гордина; Нижегород. гос. архитектур.-строит. ун-т. Нижний Новгород, 2012. 44 с.
5. Козлов В. Певец боевой славы русского народа // Козлов В. Витязи морей: исторические очерки, рассказы, новеллы, статьи. М.: Воениздат, 1985. С. 3–14.
 6. Критика Корнея Чуковского. О Сергеев-Ценском [Электронный ресурс] // Родная земля. 5(18) февраля 1907 года. URL: <http://www.chukfamily.ru/kornei/prosa/kritika/o-sergeev-censkom>. (Дата обращения: 17.08.2020.)
 7. Николаева С. Ю. Древнерусские памятники в литературном процессе (от Г. Р. Державина до Ю. П. Кузнецова): монография / Тверской гос. ун-т. Тверь, 2010. 252 с.
 8. Николаева С. Ю. Духовная реальность в поэмах Ю. П. Кузнецова «Молитва» и «Золотая гора» // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2009. № 2. С. 109–120.
 9. Николаева С. Ю. Жанровое своеобразие рассказа Ф. А. Абрамова «Из колена Аввакумова» // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2017. № 3. С. 41–48.
 10. Николаева С. Ю. О символике пейзажа в «Воскресении» Л. Н. Толстого // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2013. № 3. С. 78–85.
 11. Поддячая Н. А. Жанровое своеобразие прозы С. Н. Сергеев-Ценского 1900–1920-х годов: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Н. А. Поддячая; Тамбовский гос. ун-т. Тамбов, 2006. 180 с.
 12. Сергеев-Ценский С. Н. Севастопольская страда: эпопея. М.: Худож. лит., 1955. 631 с.
 13. Сергеев-Ценский С. Н. Трудитесь много и радостно: Избр. публицистика. М.: Мол. гвардия, 1975. 334 с.
 14. Сергеев-Ценский С. Н. Талант и гений. М.: Современник, 1981. 319 с.
 15. Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой. Семидесятые годы. Л.: Худож. лит., 1974. 360 с.
 16. Эпопея [Электронный ресурс] // Энциклопедия «Литература и язык». URL: <https://topreading.ru/bookread/283404-izdatelstvo-rosmen-enciklopediya-literatura-i/page-311>. (Дата обращения: 17.08.2020.)

**TRADITIONS OF THE GENRE OF THE EPIC
IN THE “SEVASTOPOL HARVESTING”
BY S.N. SERGEEV-TSENSKY**

E. E. Vorontsova

Tver State University

the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation

The article discusses the traditions of the epic genre in “Sevastopol Harvesting” by S.N. Sergeev-Tsensky. Attention is paid to such signs of the epic as the

national scale of the described historical events, a large number of characters, special principles of the writer's work with sources and documents, and mastery of battle painting. The tradition of L. Tolstoy's epic novel "War and Peace" and the historical epic "The Tale of the Siege of the Trinity-Sergius Monastery" is revealed, as well as its perception by S.N. Sergeev-Tsensky.

Keywords: *genre, epic novel, historical epic, traditions, L.N. Tolstoy, S.N. Sergeev-Tsensky.*

Об авторе:

ВОРОНЦОВА Евгения Евгеньевна – аспирант кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: evgenia69v@rambler.ru.

About the author:

VORONTSOVA Evgeniya Evgenevna – Postgraduate Student at the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: evgenia69v@rambler.ru.